

Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105).
Political Linguistics. 2024. No 3 (105).

УДК 811.161.2'42+811.161.1'38
 ББК ШП41.14-51+ШП41.14-55

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Марина Владимировна Никифорова

Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, SPIN-код: 9837-0812, armada29@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0635-7065>

Дискретизация образа России посредством иронии в украинских телеграм-каналах (на материале публикаций за 2022–2024 гг.)

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена анализу иронических комментариев в русскоязычных украинских телеграм-каналах, направленных на формирование отрицательного образа России. Материалом исследования послужили публикации телеграм-каналов Д. Гордона***, А. Арестовича**, А. Геращенко и Е. Киселева* за 2022–2024 гг.*

Под иронией в рамках статьи понимаются любые дискурсивные явления, обнаруживающие семантическое или прагматическое несоответствие между элементами высказывания или между высказыванием и референтной ситуацией. В результате анализа было выявлено четыре объекта иронии, коррелирующие с основными составляющими образа России: народ, власть, военные и социальная действительность. Ключевыми признаками образа России, которые высмеиваются в отобранных контекстах, являются глупость и безволие русского человека, недемократичность власти, глупость и нерациональность российских военных, цивилизационная отсталость и техническая неразвитость России как государства. Наиболее высокая степень эксплицитности и инвективности присуща ироническим комментариям в отношении российских военных. Образ российского военного целенаправленно дегуманизируется, лишается человеческих признаков, в то время как образ украинского военного героизируется и превозносится над противником. Средствами вербализации иронии выступают стилизация, метафора, обыгрывание прецедентных текстов, языковая игра, нарушение лексической сочетаемости и др.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политический дискурс, политические тексты, Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-ресурсы, интернет-дискурс, интернет-тексты, политическая коммуникация, телеграм-каналы, социальные сети, информационно-психологическая война, образ России, ирония, инвектива, языковые средства.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: *Никифорова Марина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет; 620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, к. 454; email: armada29@yandex.ru.*

БЛАГОДАРНОСТИ. *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ № 24-28-00377 «Лингвокогнитивные механизмы формирования образа России в украинских каналах мессенджера Telegram в 2014–2024 гг.».*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Никифорова, М. В. Дискретизация образа России посредством иронии в украинских телеграм-каналах (на материале публикаций за 2022–2024 гг.) / М. В. Никифорова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 97-107.*

Marina V. Nikiforova

Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, SPIN: 9837-0812, armada29@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0635-7065>

Discreditation of the Image of Russia Through Irony in Ukrainian Telegram Channels (Based on Publications of 2022-2024)

ABSTRACT. *The article analyzes ironic comments in the Russian-language Ukrainian Telegram channels aimed at forming a highly negative image of Russia. The practical research material encompasses the publications from the Telegram channels run by D. Gordon, A. Arestovich, A. Gerashchenko and E. Kiseleva in 2022-2024.*

Irony is understood in this article broadly and relates to any discursive phenomena that reveal a semantic or pragmatic discrepancy between the elements of an utterance or between an utterance and the referent situation. As a result of the analysis, four objects of irony were identified that correlate with the main components of the image of Russia: the people, the government, the army and the social reality. The key features of the image of Russia, which are ridiculed in the selected contexts, are the stupidity and weak-willed nature of the Russian person, the undemocratic government, the stupidity and irrationality of the Russian military, and the civilization backwardness and technological underdevelopment of Russia as a state. The highest degree of explicitness and invective potential is inherent in ironic comments about the Russian military. The image of the Russian military person is purposefully dehumanized and deprived of human qualities, while the image of the Ukrainian military person is glorified and exalted over the enemy. The manipulative potential of irony allows the authors to place axiological accents, not only discrediting foes, but also positively evaluating friends. The means of irony verbalization include stylization, metaphor, precedent text transformation, play upon words, violation of lexical combinability, etc.

KEYWORDS: *political discourse, political texts, Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet resources, Internet discourse, Internet texts, political communication, Telegram channels, social networks, information and psychological warfare, image of Russia, irony, invective, language means.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Nikiforova Marina Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Business Foreign Language, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia.*

ACKNOWLEDGMENTS. The given research has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation (RSF) grant № 24-28-00377 “Linguocognitive Mechanisms of Formation of the Russian Image in Ukrainian Telegram channels in 2014–2024”.

FOR CITATION: *Nikiforova M. V. (2024). Discreditation of the Image of Russia Through Irony in Ukrainian Telegram Channels (Based on Publications of 2022-2024). In Political Linguistics. No 3 (105), pp. 97-107. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Роль так называемых новых медиа, к которым относятся социальные сети, видеохостинги и мессенджеры, в формировании и изменении индивидуальной политической картины мира реципиента в современных реалиях трудно переоценить. В мире, где количество информации увеличивается лавинообразно каждую минуту, новые медиа, моментально реагирующие на любые инфоповоды, охватывают все более значительную часть социально активной аудитории и постепенно вытесняют традиционные СМИ на периферию информационного поля. В этом смысле социальные медиа, представляющие собой условно свободное пространство для обмена мнениями в отношении различных по своему значению событий и явлений общественно-политической жизни, закономерно становятся площадкой для разворачивания и ведения информационно-психологических войн (далее ИПВ), которые, выходя за пределы официальных СМИ, приобретают не только небывалые масштабы, но и максимально агрессивные, подчас извращенные формы.

Глобальная цель любой ИПВ состоит в уничтожении государства-оппонента посредством намеренного системного вербального и визуального воздействия на сознание противника, его когнитивное подавление и подчинение через создание ложных образов и стереотипов, навязывание определенной системы ценностей и коммуникативно-поведенческих шаблонов [Попова, Зарипов 2017: 125; Лингвистика... 2017: 13, Лингвистика... 2021: 143]. В задачи лингвиста при этом входит анализ речевых механизмов построения образов, восстановление не выраженных на вербально-визуальном уровне смыслов, а также обобщение и систематизация функционально значимых лингвистических средств и приемов дискредитации, применяемых продуцентом медиатекста.

В фокусе внимания настоящей статьи — образ России, создаваемый в русскоязычном сегменте украинских телеграм-каналов (далее ТГ) в период с 2022 по 2024 г. Актуальность темы на фоне продолжающегося военного конфликта двух братских народов, еще недавно — по меркам истории — быв-

ших в составе одного государства и разделяющих единое культурно-историческое пространство, пожалуй, не нуждается в излишних пояснениях. Вслед за западными медиа украинские паблики культивируют тренд на демонизацию России, прибегая к целому арсеналу дискредитирующих средств и приемов, в том числе к эффектам вербального комического. Цель статьи — рассмотреть закономерности и прагматический потенциал применения эффектов комического, главным образом иронии, в дискретизации образа России в украинских ТГ-каналах.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили фрагменты публикаций, размещенных в 2023–2024 гг. на 3 русскоязычных украинских ТГ-каналах (в скобках указана аудитория канала на момент написания статьи — М.Н.): «Дмитрий Гордон» (249 тыс. подписчиков), «Arestovich / Official» (309 тыс. подписчиков) и «Pravda Gerashchenko» (502 тыс. подписчиков). Авторами ТГ-каналов являются известные медийные и политические личности: Д. Гордон*** (советский и украинский журналист, депутат Киевского городского совета в 2014–2016 гг.), А. Арестович** (украинский политический и военный обозреватель, внештатный советник Офиса президента Украины с декабря 2020 г. по январь 2023 г.), А. Геращенко (украинский политический деятель, советник министра внутренних дел Украины с августа 2021 г.). В качестве дополнительного источника языкового материала мы также использовали публикации ТГ-канала «Настоящий Киселев» за 2022–2024 гг. (6,8 тыс. подписчиков), автором которого является Е. Киселев*, российский журналист, с 2009 г. живущий и работающий на Украине и открыто критикующий российскую власть.

Контексты отбирались через функцию поиска по запросу «Россия», «российский», «Путин» (возможности встроенного поиска учитывают падежные формы слов и различные варианты написания). Заметим, что, поскольку ирония может быть выражена различными средствами языка, отобранные контексты закономерно имеют разную длину.

В работе применяются методы когнитивно-дискурсивного, лексико-семантического и стилистического анализа.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА

Прежде чем перейти к анализу материала, сделаем несколько важных замечаний относительно иронии и ее функциональных возможностей в политическом дискурсе.

В настоящей статье вслед за большинством современных отечественных и зарубежных лингвистов мы придерживаемся широкого толкования иронии: это любые дискурсивные явления, которые предполагают семантическое или прагматическое несоответствие между элементами высказывания или между высказыванием и референтной ситуацией [Арутюнова 2007; Бушев 2011; Горностаева 2016, 2018; Желтухина 2000; Шилихина 2011, 2013; Carlin 2002; Gibbs 2007; Ridanpää 2012, 2014 и др.].

Функции иронии в политическом и масмедийном дискурсе многочисленны и изучены весьма подробно [см. Енина, Зубова 2015; Горностаева 2016, 2018; Рожкова 2013; Руженцева 2004; Шилихина 2011, 2013; Carlin 2002; Hutcheon 1995; Ridanpää 2012, 2014 и др.]. Так, помимо гармонизирующей / контактоустанавливающей функции (сокращение коммуникативной дистанции между адресантом, продуцентом политического текста, и потенциальной аудиторией через создание эффекта «своего круга»), ирония может выполнять рефлексивно-критическую функцию (оценочная характеристика существующей реальности через высмеивание социальных противоречий) и характеризующую функцию — функцию саморепрезентации и саморазоблачения.

Если же говорить о применении иронии в контексте ИПВ, то в первую очередь ирония — это скрытая или слегка завуалированная инвектива, реализующая манипулятивную (воздействующую) и дискредитирующую (агональную) функции, которые выступают в тесном взаимодействии. Это в особенности касается социальных медиа, где степень коммуникативной свободы зачастую ограничивается лишь собственными морально-этическими установками авторов. Так, объектом иронии могут становиться личные качества оппонентов (высмеивание возраста, внешности, интеллектуальных качеств), традиционно табуированные и этически сложные понятия (иронические комментарии о боге, церкви, смерти) и т. д. В то же время следует признать, что степень инвективности и конфликтогенности иронии — весьма субъективный фактор. Если автор и адресат стоят на единых социально-политических и культурно-мировоззренческих позициях, то ирония и степень ее инвективности будут считаться оправданными и мотивированными

ми, «отказ в следовании традиционно одобряемым нормам речевого поведения парадоксально становится способом позитивной идентификации» [Енина, Зубова 2015: 79], включения в круг «своих». В то же время для второго адресата, являющегося одновременно объектом иронии, последняя может восприниматься неуместной в силу нарушения этической и/или коммуникативной нормы [Жельвис 2005].

И, наконец, еще одно замечание относительно иронии в политической коммуникации. Ирония рассматривается сегодня не только как риторическая и коммуникативно-прагматическая категория — фигура речи и форма имплицитного выражения оценки, — но и как когнитивно-дискурсивная категория: ирония — это вербализованный в дискурсе способ восприятия и интерпретации действительности. Ирония идеологизирована и отражает ценностные установки адресанта в заданном культурно-историческом контексте. Данное замечание представляется принципиальным, поскольку при анализе средств дискредитации образа государственного оппонента, особенно когда ИПВ разворачивается параллельно с реальными военными действиями, необходимо помнить, что за каждым ироническим и почти всегда инвективным комментарием, адресованным массовому реципиенту, стоит вовсе не массовый, а совершенно конкретный автор. Приписывание коллективной ответственности за сказанное, равно как и утверждение доминирования высказанного мнения в сознании массового адресата («Все украинцы считают русских...») в данном случае было бы неоправданным и неуместным.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ контекстов позволил выделить четыре объекта иронии, которые коррелируют со структурными компонентами образа России: 1) народ, 2) власть, 3) военные, 4) социальная действительность.

Дальнейший анализ направлен на определение прагматического потенциала иронии — восстановление не выраженных на вербальном уровне смыслов и оценок, а также на определение лингвистических средств и механизмов объективации иронии при формировании негативного образа России.

1. Народ

Культурно-историческая близость народов России и Украины позволяет эффективно проецировать иронические оценки на хорошо знакомые украинцам, зачастую стереотипные, особенности русского национального характера, которые становятся в этом смысле «наиболее уязвимыми для на-

правленного речевого воздействия» [Руженцева 2004: 51]. Так, значительная часть контекстов, в которых ирония направлена на жителей России, изображает последних не далекими и безвольными. Ср.: *Больше всего мне нравится смотреть, как обыватель российский, обыкновенный, которого е**т все, кому не лень, от жены и тещи, до ЖЕКа и собственного правительства, грозит «...весь мир в труху» и «...все теперь пойдет по-другому».- Что, «по-другому», клоуны?.. Что вы еще можете?.. Еще раз «...пересмотреть цели СВО?.... Он будет попеременно грызть ручку кресла, пульт от телевизора, и хлюпая носом выводить: — ну все, хохлы/пиндосы, вот теперь уже вам будет... Ваня-дурак, не влияющий в своей жизни практически ни на что, грозит могучими геополитическими ходами и комбинированными ударами» (Arestovich / Official, 2024).*

В первой части приведенного фрагмента иронический эффект строится на стилизованном описании, иронической инверсии: *обыватель российский, обыкновенный* — наименование жителей России, а точнее ее мужского населения, порождающее в сознании реципиента аналогию с ботаническим описанием и разворачивающее целый семантико-ассоциативный ряд (простота, неоригинальность, широкая распространенность вида). Инвективный потенциал иронии усиливается прямым оскорблением — *которого е**т все, кому не лень*. Использование лексемы *клоуны*, имитация диалога, отсылка к прецедентной ситуации и прием закавычивания — *Что, «по-другому», клоуны?.. Что вы еще можете?.. Еще раз «...пересмотреть цели СВО? — высмеивают отсутствие самостоятельности и реальных действий*. Далее автором эксплуатируется образ Ивана-дурака, символизирующего такие качества личности, как глупость, лень и бездействие. Иронический эффект данного фрагмента усиливается использованием гиперболизации — *Он будет попеременно грызть ручку кресла, пульт от телевизора* — и иронической стилизации фрагмента — *ну все, хохлы/пиндосы, вот теперь уже вам будет*.

Приведем еще один фрагмент, где объектом иронии также становятся глупость русского человека. Ср.: *Претенденты на премию Дарвина: вооружившись лопатой и палкой, россияне решительно вышли на бой против дрона. Исход предсказуем, неизбежен и синхронен. Вот такое оно — антидроновое ружье made in russia. Видео войдет в историю* (Pravda Gerashchenko,

2024). Ироническая тональность приведенного фрагмента создается использованием эмоционально-оценочной перифразы — *претенденты на премию Дарвина* (Премия Дарвина — виртуальная антипремия, ежегодно присуждаемая лицам, которые наиболее глупым способом умерли или потеряли способность иметь детей и в результате лишили себя возможности внести вклад в генофонд человечества, тем самым потенциально улучшив его, https://ru.wikipedia.org/wiki/Премия_Дарвина), намеренно утрированным описанием ситуации, когда высокая лексика приобретает комичное звучание в заданном контексте, — *вооружившись лопатой и палкой, россияне решительно вышли на бой против дрона*, насмешливой номинацией, содержащей прецедентный текст на английском языке, — *антидроновое ружье made in russia*.

Безвольность и чинопочитание как производные трусости, приписываемые русскому народу, также активно высмеиваются авторами ТГ-каналов. Ср.: *Россиянин может быть самым честным, самым сильным, самым благородным человеком на Земле и оставаться таким сколь угодно долго, выстаивать в тяжелейших моральных дилеммах, совершать духовные подвиги, но все это (преимущественно) до тех пор, пока начальство не пожелает. А как пожелает начальство, так все этика и вся духовность сливается в унитаз со скоростью ветра и вся сердечность сыпается следом. И академики идут вприсядку, и Церковь поет строем, и «...русский офицер» превращается в садиста и убийцу — и ладно бы только к чужим, ко своим еще более. Государственная религия России — чинопочитание* (Arestovich / Official, 2023). Ирония в данном фрагменте строится на гиперболизации, семантико-логическом несоответствии и стилизации фрагмента, создающей эффект пародии. Благородство и честность как доминанты национального русского характера высмеиваются посредством чрезмерного употребления лексемы *самый*, обстоятельства времени *сколь угодно долго*, пародийно-сатирической тональности в упоминании духовности. Далее пародийно-сатирическая тональность сменяется иронической метафорой: *А как пожелает начальство, так все этика и вся духовность сливается в унитаз со скоростью ветра и вся сердечность сыпается следом*. И наконец, в завершающей части текстового фрагмента — *И академики идут вприсядку, и Церковь поет строем* — автором используется ирония абсурда, намеренно утрированное изобра-

жение объекта высказывания, когда существует явное логико-семантическое противоречие между объектом и приписываемыми ему характеристиками.

Наводнение в Оренбургской области, случившееся в апреле 2024 г., породило множество ироничных комментариев в ТГ-каналах, в том числе по поводу безвольности и беспомощности жителей России. Так, Д. Гордон*** в своем ТГ-канале размещает фото затопленного города с надписью «*Не доводите народ, на вилы поднимем*». И далее комментарий: *Какие вилы? Ваш максимум — покричать "путин, помоги"* (Дмитрий Гордон***, 2024). Заметим, что это один из распространенных в рассматриваемых ТГ-каналах механизмов создания иронического эффекта: воспросно-ответное единство, где вопрос — отсылка к некогда сказанному объектом иронии, создающая эффект пародии, а ответ — разоблачительный комментарий, также имеющий в своей основе прецедентный текст или ситуацию.

Отдельные высказывания авторов ТГ-каналов посвящены таким стереотипным представлениям о русском национальном характере, как склонность к пьянству и воровству. Ср.:

1) «*Любимая рубрика «Угадайте страну по видео»: в Волгограде установили кофейный аппарат с самообслуживанием — и понеслось. Местные жители начали красть стаканчики, трубочки, сахар и сироп. Воров даже не останавливает наличие камер видеонаблюдения... **Ведь халява — одна из главных российских скреп***» (Pravda Gerashchenko, 2024).

2) *В Новосибирской области водитель остановился у перевернутой машины в кювете, чтобы предложить помощь. Но внутри он обнаружил двух пассажиров, которые больше беспокоились о потерянной после аварии водке, чем о перевернутой машине. С такими ценностями явно не появятся в домах теплая вода, плазма и унитазы — всё уходит на выпивку* (Pravda Gerashchenko, 2024).

Иронический эффект в приведенных фрагментах строится на этических противоречиях: воровство, традиционно осуждаемое явление, называется автором *одной из российских скреп*, а водка во втором фрагменте *ценностью*. Механизм иронии запускается благодаря тому, что основное предметно-логическое значение лексем *скрепа* и *ценность* не разрушается их контекстуальным значением, а обыгрывается им, ярко демонстрируя наличие этического противоречия.

Отметим, что в рассматриваемых ТГ-каналах авторы не называют жителей Рос-

сии *русскими*, используя исключительно лексему *россияне*. Очевидно, это связано с принципиальным стремлением к разграничению России и Руси, ведь последняя, по мнению некоторых (многих?) украинских политиков и общественных деятелей, имеет отношение лишь к Украине, но не к России. Об этом, в частности, говорил президент Украины В. Зеленский в июле 2022 г. («Украина — единственная законная наследница Киевской Руси» — <https://yandex.ru/video/preview/13576938419208359511>). Подобную мысль высказывает в своем ТГ-канале и А. Арестович**. Ср.: *Если Русь — мы, то являемся наследниками одного из крупнейших и великих государств Европы, а современная РФ — боковая ветвь развития, укравшая нашу историю* (Arestovich / Official, 2023). Не углубляясь в историю Руси, заметим тем не менее, что даже англоязычная версия Википедии (https://en.wikipedia.org/wiki/Kievan_Rus%27) со ссылкой на классический исторический трактат «Повесть временных лет» утверждает, что изначально Рюрик, с которого начинается род русских князей, в 862 году пришел управлять новгородскими землями. Впоследствии — приблизительно в 882 году — Олег, будучи регентом юного князя Игоря, сына Рюрика, и захватив власть в Киеве, объединил северные и южные территории вокруг Новгорода и Киева. Часть этих земель сегодня принадлежит России, часть — Украине. В этой связи заявления украинских политиков и лидеров общественного мнения относительно того, что «Украина — единственная законная наследница Киевской Руси», а «современная РФ — боковая ветвь развития» представляются не просто несостоятельными, но и откровенно абсурдными.

Заметим также, что трое авторов (кроме А. Арестовича**) используют написание топонима *Россия* и аббревиатуры *РФ* исключительно со строчной буквой, а также в большинстве случаев с предлогом *на*. Очевидно, это также связано с неприятием украинцами нормативного с точки зрения русского языка предлога *на* в сочетании *на Украине*. Используя в своих публикациях сочетание *на россии*, авторы ТГ-каналов также реализуют прием иронии, прагматический потенциал которого состоит в вербально-визуальном умалении статуса России как государства, а также в выражении авторской оценки — отношения презрения к стране и ее гражданам. Заметим, что в ТГ-каналах Д. Гордона*** и А. Геращенко со строчной буквы также пишутся и другие имена собственные — Кремль, Москва, Путин и др.

2. Власть

Иронические высказывания, имеющие своим объектом российскую власть, отличаются высокой степенью эксплицитности и инвективности.

Российская власть представляется глупой и некомпетентной, а отдельные поступки и комментарии политиков — бессмысленными и нелепыми. Ср.: *«Кремль, на руках которого кровь от многих терактов, в том числе и в "Крокус сити", потребовал от Украины "прекратить любую поддержку террористической деятельности и возместить причиненный жертвам вред". Отдельно путинские обитатели палаты №6 требуют ареста главы СБУ Василия Малюка (Pravda Gerashchenko, 2024).* Механизмом иронии в данном случае является прецедентный текст — отсылка к известному произведению А. П. Чехова «Палата номер 6». Прагматический смысл иронии весьма прозрачен: приближенные российского президента неадекватны, если обвиняют Украину в организации теракта и требуют ареста главы СБУ. Кроме того, иронично и вместе с тем уничижительно звучит применяемая по отношению к людям лексема *обитатели*.

Осмеянию подвергается как собирательный образ российской власти, так и конкретные политики. Ср.: *«Ветеран российской национал-патриотической политики Дмитрий Рогозин ранен на Донбассе в голову и, судя по всему, в задницу. Все эти годы было не вполне понятно, каким местом он думает, но при таких попаданиях в обильные тела несостоявшегося губернатора «Новороссии» его мыслительный процесс гарантированно столкнется с большими затруднениями» (Настоящий Киселев, 2022).* Автор ТГ-канала иронизирует по поводу ранения Д. Рогозина, ссылаясь на известную шутку о том, каким местом думают некоторые люди. Заметим, что объектом иронии в высказывании становятся не только умственные способности политика, но и его внешний облик: использование разговорной лексемы *тела* в сочетании с адъективом *обильные* многократно усиливает иронически-сатирический эффект сообщения, способствуя дополнительной негативации образа.

Ожидаемо и закономерно, что наибольшее количество иронических контекстов, формирующих образ российской власти, направлено на дискредитацию президента В. В. Путина. Критике и высмеиванию подвергаются возраст, состояние здоровья, а также любые действия и слова российского президента. Ср.: *«Во-первых, он выжил из ума. Во-вторых, он отрезан от реальных*

фактов и живет в выдуманном своими поставщиками новостей мире. Он вполне, например, может считать, что русские ядерные ракеты самые быстрые в мире, что у американцев нет защиты от них и что сам Путин не подвержен ядерному излучению (спасибо шойговским шаманам, очистился)» (Настоящий Киселев, 2023). Ирония в приведенном контексте используется как продолжение прямой инвективы — *он выжил из ума*. Некоторые из приписываемых российскому президенту мыслей явно противоречат здравому смыслу и усиливают прагматический потенциал прямого оскорбления. Завершающий комментарий — *спасибо шойговским шаманам, очистился* — очередной пример иронии, которая апеллирует к прецедентной ситуации и обыгрывает ее смысл в новом контексте (речь, вероятно, идет о посещении В. В. Путиным Республики Тыва, которая является родиной министра обороны России С. К. Шойгу и широко известна как территория шаманских практик — *М.Н.*).

В ТГ-канале А. Герашенко регулярной иронической инвективой является номинация *бункерный*, которая, с одной стороны, высмеивает приписываемую российскому президенту одержимость собственной безопасностью, а с другой стороны, апеллирует к фоновым знаниям массового адресата, имплицитно сходя к сходству нынешнего российского лидера со Сталиным.

Приведем еще один пример ироничного высказывания, где эксплуатируется образ Сталина. На фоне фото плаката о бесплатном борще по случаю смерти Сталина помещен комментарий автора ТГ-канала: *«Как хочется борща!» (Настоящий Киселев, 2022).* Автор использует иронию парадокса, когда завершающая высказывание фраза явно не соответствует ожиданиям и исходному посылу. Ирония, таким образом, заключается не в самом высказывании, а в подтексте и интонации.

Поводом для ироничных высказываний в адрес В. В. Путина стал мятеж, организованный ЧВК «Вагнер» под руководством Е. Пригожина в июне 2023 года. Ср.: *«Но даже если сегодня Путин устоит, его режиму уже нанесен непоправимый удар — ему отказали в легитимности те, кого он послал умирать. Аве, Цезарь, шедшие на смерть, идут за тобой» (Arestovich / Official, 2023).* Ирония строится на обыгрывании прецедентного текста — приветствия гладиаторов, обращенного к римскому императору «Аве, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!», — и заключается в высмеивании образа В. В. Путина как Верхов-

ного главнокомандующего, в указании на потерю им авторитета среди военных.

Выборы президента России в марте 2024 г. также активно освещались авторами рассматриваемых ТГ-каналов. Ср.:

1) *И пока ЦИРК ЦИК России рисует путину 87% «голосов», на отдельно взятых участках российский диктатор почему-то «побеждает» не так уверенно* (Pravda Gerashchenko, 2024).

2) *На Сумасшедший-дом «Выборы» на России: бюллетень и урна прямо в палате роддома. На НТВ показали роженицу из Петербурга, которая проголосовала на «выборах» «сразу после того, как явила на свет 12-го ребенка»* (Pravda Gerashchenko, 2024).

3) *Вы, кстати, не знаете, кто выиграл выборы в РФ?..* (Arestovich / Official, 2024).

В первых двух фрагментах ирония строится вербально-графическими средствами — зачеркиванием и закавычиванием. Оба приема позволяют автору с весьма низкой степенью имплицитности транслировать истинную оценку объекта высказывания. Кроме того, описанная во втором фрагменте ситуация является примером иронии абсурда. В третьем фрагменте ирония читается в подтексте и интонации: высмеивается сама возможность сомнения в результатах выборов. Таким образом, авторами акцентируется мысль о нелегитимности и бессмысленности российской избирательной кампании, а Россия в очередной раз стигматизируется как недемократическое государство, где во главе «диктатор» без определенного срока правления.

В целом, как показывает анализ контекстов, ирония направлена, с одной стороны, на высмеивание слабости российской власти, демонстрацию глупости и недалекости ее представителей, а с другой — на демонизацию российского лидера, изображение его тираном и автократом. Заметим, что в этом смысле образ В. В. Путина, формируемый и культивируемый украинскими ТГ-каналами, не отличается от образа, создаваемого в западных медиа [см.: Никифорова 2022].

3. Военные

Образ российской армии в украинских ТГ-каналах за период военных действий оброс множеством характеристик, которые нередко противоречат друг другу и лишены какой бы то ни было логической связи. Об этом, в частности, говорит в своем ТГ-канале А. Арестович**. Ср: ... *имидж российских военных колеблется между ватными бестолковыми емелями на полуватных ногах — через промежуточ-*

ную станцию тупой (очень тупой) и подлой силы, до — безжалостного и умелого врага... (Arestovich / Official, 2023).

Помимо откровенной демонизации образа российской армии, когда средствами дискредитации (диффамации) становятся прямые оскорбления и обвинения, украинские ТГ-каналы активно используют иронически-саркастические комментарии относительно небоеспособности армии, глупости солдат и полевых командиров и их неумения вести войну. Ср.:

1) *Благодаря этому видео вы можете в очередной раз убедиться, почему орков называют тупыми. Ролик, снятый в Белгородской области, опубликовал "Русский Добровольческий Корпус". Когда российские штурмовики, подъехавшие на квадроцикле, попытались атаковать, произошел «френдли фаер». Один из рашистов так неловко бросил гранату, что подорвал своего же товарища. Выжившим оркам пришлось срочно бежать — бойцы РДК устроили им достойный прием* (Pravda Gerashchenko, 2024).

2) *"Вторая армия мира" стирается о Донбасс. Небоеспособность всей сухопутной группировки РФ составляют 30%. Не считая воздушной и морской* (Arestovich / Official, 2023).

3) *Технология была отработана в гибридных войнах в бывшем СССР — харизматичные полевые командиры, захватывающие города и устанавливающие там наочную атаманскую справедливость. Спецслужбы относительно легко справлялись до сих пор с харизматами во главе Вооружённых отрядов...* (Arestovich / Official, 2023).

В первом текстовом фрагменте ситуативная ирония (пожалуй, слишком циничная, чтобы казаться смешной) *так неловко бросил гранату, что подорвал своего же товарища* дополняется вербально-визуальными ироническими эффектами. В частности, автор использует английское выражение «френдли фаер» (*дружеский огонь*), взятое в кавычки и написанное кириллицей, что, очевидно, призвано усилить саркастический смысл фразы. Кроме того, будучи употребленным в непривычном контексте, иронично-саркастический оттенок приобретает и словосочетание *достойный прием*: буквальный смысл выражения явно не совпадает с тем смыслом, который транслирует автор ТГ-канала. Заметим, что встречающаяся в приведенном контексте и широко применяемая в украинских ТГ-каналах инвектива *рашисты* является ярким примером языковой игры: окказиональное наименование русских военных образовано посредст-

вом контаминации двух лексем — кириллизированного английского прилагательного *Russian* и существительного *фашисты*.

Во втором примере высмеивается небоеспособность российской армии. Как и в предыдущем примере, здесь используется прием закавычивания, ставящий под сомнение буквальный смысл фразы *вторая армия мира*.

В третьем контексте автором используется языковая игра — прием намеренной ложной этимологизации слова. Так, прилагательное *харизматичный* связано с понятием харизмы, которая в широком смысле трактуется как «наделённость человека некими особыми чертами, достоинствами, способностями, его возвышенность над другими в глазах окружающих как продукт стечения ряда обстоятельств, способствующий внушению окружающим безграничного доверия к себе» (<https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/263085/харизма>), тогда как *харизмат* связано с харизматическим движением, харизмат — адепт харизматического культа, движения внутри христианства, появившегося в XX веке и провозглашающего, что в его деятельности в соответствии с Писанием проявляются дары Святого Духа — исцеление, пророчество, различение духов (https://ru.wikipedia.org/wiki/Харизматическое_движение). Использование лексемы *харизматы* в несвойственном ей значении создает иронический эффект, выражая откровенную насмешку автора над российскими военными.

Нерациональность российской армии высмеивается автором в следующем фрагменте. Ср.: **По-богатому воюет мать-Россия. 47 тысяч, из которых 17 — безвозвратными (общевойсковая армия по нынешним временам) плюс (точнее, минус) танковая дивизия за один укрепрайон — это, знаете ли, не каждый может себе позволить** (Arestovich / Official, 2022). Ирония в данном случае строится как композиционный прием, в основе которого — парадокс, отсутствие логико-семантической связи: *воевать по-богатому*, помещенное в тему высказывания, интерпретируется через указание на цифры боевых потерь. Иронический эффект усиливается использованием стилистической инверсии (*По-богатому воюет мать-Россия*), создающей эффект пародии, а также самим фактом апелляции украинца к персонифицированному образу России — образу женщины-матери, который является одним из элементов русской национальной идентичности. Иронический оттенок высказыванию добавляют используемая автором парентеза — помещение в скобки комментария *плюс (точнее, минус)* при подсчете потерь, а также вводное выра-

жения *знаете ли*, создающее эффект ложного удивления.

Особым цинизмом в создании образа российских военных отличаются публикации в ТГ-канале А. Геращенко. Ср.: **Любимая утренняя рубрика украинцев: еще 710 путинских террористов пополнили статистику потерь рашистов; Еще 770 путинских террористов больше не смогут слушать бредни бункерного деда; Еще 810 путинских террористов «голосуют» за него в аду; Еще +1160дохлых рашистов добавились в «копилочку» ВСУ за сутки; Любимая рубрика украинцев: потери оккупантов за сутки. ВСУ превратили в перегной еще +750 рашистов** (Pravda Gerashchenko, 2024). Подобного рода «вербальная агрессия» в речи А. Геращенко, направленная против погибших (!) российских военных, на наш взгляд, является не только «легким способом эмоционального усиления речевого воздействия» [Жельвис 2005: 251], но и целенаправленной идеологической деятельностью, «ритуалом отчуждения» [Ватлецов 2019: 7], конечная цель которого — стигматизация и полная дегуманизация врага. Прием «расчеловечивания» врага транслирует совершенно конкретный прагматический посыл: враг — это монстр, а монстров нужно уничтожать. Кроме того, создание монструозного образа «чужих» позволяет автору ТГ-канала символически возвысить образ «своих». Ср.: **Еще 700 российских террористов едут домой холодными и частями. Также за сутки Силы обороны Украины уничтожили 9 российских танков, 9 боевых бронемашин и 16 артиллерийских систем рашистов. Благодарим наших Героев за отличную работу, мужество и меткость!** (Pravda Gerashchenko, 2024). Как можно видеть, моральное превосходство украинских военных демонстрируется не только вербальными, но и визуальными средствами — в данном примере написанием лексемы *герои* с заглавной буквы.

Очернение и дегуманизация армии также связаны с темой мародерства, склонность к которому украинские ТГ-каналы активно приписывают российским военным. Ср.: **"Лариса, я в Авдеевке! Тут в этих домах все есть. Телевизоры, чего только нету! Только надо электричку какую-то грузовую и вывезить отсюда!" У "вообще не хочу уезжать из Крыма" появился конкурент — российский мародер, объясняющийся в любви, и радующийся тому, сколько всего он сможет вынести из развалин Авдеевки. Это — не люди. Это нечто, готовое смотреть, носить, пользо-**

ваться без угрызения совести всем тем, что окроплено кровью мирных жителей и военных... (Pravda Gerashchenko, 2024). Ирония в приведенном фрагменте реализуется посредством использования лексемы *конкурент* в несвойственном ей контексте, а также в обыгрывании прецедентного текста — цитаты, которая, подобно голофрастической конструкции, функционирует как одна синтаксическая единица. Прагматический смысл всего фрагмента выражен максимально эксплицитно: российский военный — это мародер, мародер — это не человек, это «нечто». Ирония, таким образом, встраивается в последовательный нарратив дегуманизации противника — его полного обезличивания и лишения человеческих признаков.

Представляется очевидным, что иронические описания и приписывание российским военным таких качеств, как глупость, трусость, нерациональность, склонность к мародерству, призваны не только дискредитировать российскую армию и на этом фоне героизировать армию Украины, но и, как нам видится, задать совершенно определенный прагматический посыл: армия Россия небоеспособна, а значит против нее можно воевать и ее можно победить. Таким образом, ирония как инструмент дискредитации способствует разворачиванию отнюдь не комичных, а совершенно серьезных, социально значимых смыслов. Воздействуя на сознание и эмоции адресата, активизируя его фоновые знания и пресуппозиции, ирония действует тонко и точно, транслируя однозначную идейно-эмоциональную оценку, которая в свою очередь имплицитно конкретные невербальные действия.

4. Социальная действительность

Ключевая характеристика образа России, которая активно культивируется в украинских ТГ-каналах, — это цивилизационная отсталость и низкий уровень жизни населения. Ср.:

1. **Лучшее, что могли придумать россияне сейчас: в Питере продавали инновационные унитазы — сранки, они же срачели. «Изобретение» будет еще более в духе времени, если его делать со «смародеренной» в Украине сантехникой. Очевидно, спрос был так велик на сранки, что объявление о продаже уже снято с российского Авито** (Pravda Gerashchenko, 2024);

2. **В России бы затопило говном, так что нечего ныть** (комментарий на новость о том, что в затопленном Дубае русские автомобилисты не могут передвигаться по городу) (Дмитрий Гордон***, 2024).

3. **По самую крышу: на России пассажирский автобус утонул в канаве на обочине дороги. Автобус в Алтайском крае съехал в заполненный талыми водами кювет, пассажиров успешно эвакуировали, сообщает региональный главк МЧС РФ. Солдаты НАТО не пройдут — тут бы самим россиянам выжить на собственных дорогах** (Pravda Gerashchenko, 2024).

В первом контексте ирония проявляется как на уровне семантики высказывания (*лучшее, что могли сделать россияне*), так и на уровне отдельных лексем — завышенной лексемы *изобретение* и окказиональных наименований, построенных с помощью контаминации: объединения первой части ненормативного глагола и второй части существительных *санки* и *качели*. Во втором фрагменте саркастическая тональность звучит в намеренно утрированном описании, также с применением сниженной лексики. В третьем примере автором используется языковая игра: аббревиатура *НАТО* изменяется по правилу склонения существительных женского рода, создавая причудливую рифму с предшествующим словом.

Анализ контекстов позволяет заключить, что российская действительность в украинских ТГ-каналах изображается фрагментарно, с активным использованием предельных обобщений и привлечением стилистически сниженной лексики. Авторами акцентируются отдельные проблемы в сфере ЖКХ, городской инфраструктуры, последствия природных бедствий и т. д., при этом их масштаб намеренно преувеличивается, а негативная оценка конкретной проблемы и территории экстраполируется на всю российскую действительность.

Заметим также, что авторы рассматриваемых ТГ-каналов во многих ироничных комментариях, посвященных российской действительности, эксплуатируют именно туалетную тему. Ср.: **Там русский дух, там русью пахнет: в Энгельсе женщина провалилась вместе с ванной и унитазом в затопленный канализационными стоками подвал** (Pravda Gerashchenko, 2024). Очевидно, что цель такого рода иронически-саркастических высказываний — не просто высмеять объект иронии, но максимально «понижить статус объекта» [Жельвис 2001: 121], продемонстрировать «незакрытые» низменные потребности противника и одновременно морально возвыситься над ним.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый анализ позволяет сделать следующие выводы относительно иро-

нии и ее роли в формировании негативного образа России в украинских ТГ-каналах.

1. Конструируемый в украинских ТГ-каналах образ России — это оценочная проекция тех мнений и настроений, которые присутствуют и намеренно культивируются политиками и лидерами общественного мнения на Украине в свете происходящих в настоящее время событий. Вербальная ирония выступает особой формой манифестации и формализации мнений и оценок, а следовательно и инструментом в формировании образа России.

2. Ирония как средство создания негативного образа России представляет собой скрытую или слегка завуалированную инвективу. При этом степень инвективности и имплицитности во многом зависит от объекта иронии.

3. Объектом иронии в рассматриваемых ТГ-каналах становятся ключевые составляющие образа России — народ, власть, военные и социальная действительность. Наибольшая степень речевой агрессии и вместе с тем максимальная эксплицитность транслируемой оценки звучит в иронически-саркастических комментариях о российских военных. Ирония при этом часто сопровождается прямыми инвективами, цель которых — полная дегуманизация противника, лишение его человеческих признаков.

4. Ключевыми характеристиками образа России, высмеиваемыми посредством иронических комментариев, являются глупость и безвольность русского человека, глупость, нерациональность и склонность к мародерству российских военных, отсутствие демократии и некомпетентность российской власти, а также цивилизационная отсталость как признак современной России.

5. Манипулятивный потенциал иронии связан с ее способностью расставлять идеологические акценты: с помощью иронии авторы ТГ-каналов не только дискредитируют «чужих», понижая их статус, но и позитивно оценивают «своих», символически возвышая их над противником.

6. К средствам языковой объективации иронии в рассматриваемых ТГ-каналах относится целый комплекс средств и приемов: стилизация, метафора, обыгрывание прецедентного текста, прием закавычивания, языковая игра и т. д.

Предложенный в настоящей статье анализ, безусловно, не в полной мере отражает тенденции использования иронии как инструмента формирования негативного образа России. В качестве перспективы исследования можно рассматривать выявление закономерностей применения иронии при конструировании образа России в других украин-

ских ТГ-каналах и в рамках другого временного периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Киселев Евгений Алексеевич — в 2022 г. в РФ включен в список физических лиц — «иностранных агентов», в 2024 г. был включён Росфинмониторингом в «перечень экстремистов и террористов».

** Арестович Алексей Николаевич — 11.05.2023 включен Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов.

*** Гордон Дмитрий Ильич — 2.09.2022 включен Минюстом РФ в реестр физических лиц — «иностранных агентов».

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. https://ru.wikipedia.org/wiki/Герашенко,_Антон_Юрьевич
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Гордон,_Дмитрий_Ильич
3. https://ru.wikipedia.org/wiki/Арестович,_Алексей_Николаевич
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/Киселёв,_Евгений_Алексеевич
5. https://t.me/s/dmytrogorodon_official
6. <https://t.me/s/kiselevtv/64>
7. https://t.me/s/O_Arestovich_official
8. https://t.me/s/Pravda_Gerashchenko?q

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Эстетический и антиэстетический аспекты комизма / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. — Москва : [б. и.], 2007 — С. 5–17.
2. Бушев, А. Б. Жанры и языковые механизмы комического / А. Б. Бушев. — Текст : непосредственный // Альманах кафедры культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского гос. ун-та / Санкт-Петербургское философское общество. — Санкт-Петербург, 2011. — № 12. — С. 217–234.
3. Ватлецов, С. Г. Инвектива как эстетика и ритуал отождествления / С. Г. Ватлецов. — Текст : электронный // Русская речь. — 2020. — № 3. — С. 7–21. — URL: <http://ras.jes.su/rusrech/s013161170004194-2-1> (дата обращения: 25.04.2024). DOI: 10.31857/S013161170004194-2.
4. Горностаева, А. А. Ирония в политическом дискурсе: агрессия или развлечение? / А. А. Горностаева. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2014. — № 3. — С. 64–74.
5. Горностаева, А. А. Иронические метафоры в политическом дискурсе / А. А. Горностаева. — Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2018. — Т. 22. — № 1. — С. 108–125.
6. Енина, Л. В. Политические фигуры на поле комического в массмедиа: смешные и серьезные / Л. В. Енина, Л. В. Зубова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2015. — № 4. — С. 77–81.
7. Жельвис, В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. — Москва : Ладомир, 2001. — 352 с. — Текст : непосредственный.
8. Жельвис, В. И. Инвектива как «наука убеждать»: брань в арсенале политиков и философов / В. И. Жельвис. — Текст : непосредственный // «Злая лая матерная...»: сб. статей. — Москва : Ладомир, 2005. — С. 288–304.
9. Желтухина, М. Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков) : 10.02.20 : дис. ... канд. филол. наук / Желтухина М. Р. — Волгоград, 2000. — 250 с. — Текст непосредственный.
10. Лингвистика информационно-психологической войны : коллективная монография. Книга I / под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. — 340 с. — Текст : непосредственный.
11. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. IV / И. В. Башкова, Е. М. Боровой, Л. А. Гаври-

лов [и др.]; под ред. проф. А. П. Сквородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2021. — 340 с. — Текст : непосредственный.

12. Никифорова, М. В. Метафорические образы российского лидера в контексте информационно-психологической войны (на материале статей журнала *Foreign Affairs* за 2021 год) / М. В. Никифорова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 4 (94). — С. 70–80.

13. Попова, Т. Г. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ / Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2017. — № 5. — С. 125–129.

14. Рожкова, А. В. Прагматические функции комического в политическом дискурсе / А. В. Рожкова. — Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. — 2013. — № 1 (2). — С. 162–169.

15. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : моногр. / Н. Б. Руженцева ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2004. — 294 с. — Текст : непосредственный.

16. Шилихина, К. М. Ирония в политическом диалоге / К. М. Шилихина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 4 (38). — С. 177–182.

17. Шилихина, К. М. Вербальная ирония: аномальное или нетривиальное использование языка / К. М. Шилихина. — Текст : непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 2. — С. 178–182.

18. Carlin, A. P. Methodological irony and media analysis: on textual presentations in the work of theorising / A. P. Carlin. — Text : unmediated // *Pretexts: Literary and Cultural Studies*. — 2002. — Vol. 11, Iss. 1. — P. 41–55.

19. Gibbs, R. W. On the psycholinguistics of sarcasm / R. W. Gibbs, H. L. Colston. — Text : unmediated // *Irony in language and thought: A cognitive science reader*. — New York : [s.n.], 2007. — P. 173–200.

20. Hutcheon, L. *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony* / L. Hutcheon. — New York : [s. n.], 1995. — 258 p. — Text : unmediated.

21. Ridanpää, J. The media and the irony of politically serious situations: consequences of the Muhammed cartoons in Finland / J. Ridanpää. — Text : unmediated // *Media, Culture & Society*. — 2012. — Iss. 34(2); Vol. 21 (4). — P. 131–145.

22. Ridanpää, J. Politics of literary humour and contested narrative identity (of a region with no identity) / J. Ridanpää. — Text : unmediated // *Cultural Geographies*. — 2014. — No. 21 (4). — P. 711–726. — DOI: <https://doi.org/10.1177/1474474014525054>.

MATERIALS

- https://ru.wikipedia.org/wiki/Геращенко,_Антон_Юрьевич
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Гордон,_Дмитрий_Ильич
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Арестович,_Алексей_Николаевич
- https://ru.wikipedia.org/wiki/Киселёв,_Евгений_Алексеевич
- https://t.me/s/dmytrogorodon_official
- <https://t.me/s/kiselevtv/64>
- https://t.me/s/O_Arestovich_official
- https://t.me/s/Pravda_Gerashchenko?q

REFERENCES

- Arutyunova, N.D. (2007). *Aesthetic and Anti-aesthetic Aspects of the Comic* [Esteticheskiy i antiesteticheskiy aspekt komizma]. In *Logicheskiy analiz yazyka: yazykovye mekhanizmy komizma* (pp. 5–17). Moscow. (In Russ.)
- Bushev, A.B. (2011). *Genres and Linguistic Mechanisms of the Comic* [Zhanry i yazykovye mekhanizmy komicheskogo]. In *Al'manakh kafedry kul'turologii i Tsentra izucheniya kul'tury filosofskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta* (No. 12, pp. 217–234). St. Petersburg. (In Russ.)
- Vatletsov, S.G. (2020). Verbal Aggression as an Aesthetics and Ritual of Identity [Invektiva kak estetika i ritual otzhdestvleniya]. *Russian Speech*, 3, 7–21. (In Russ.) DOI: [10.31857/S013161170004194-2](https://doi.org/10.31857/S013161170004194-2)
- Gornostaeva, A.A. (2014). *Irony in Political Discourse: Aggression or Entertainment?* [Ironiya v politicheskom diskurse:

agressiya ili razvlechenie?]. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Linguistics*, 3, 64–74. (In Russ.)

5. Gornostaeva, A.A. (2018). *Ironic Metaphors in Political Discourse* [Ironicheskie metafory v politicheskom diskurse]. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Linguistics*, 22(1), 108–125.

6. Enina, L.V., & Zubova, L.V. (2015). *Political Figures on the Background of the Comical in Mass Media: Funny Things and Serious Stuff* [Politicheskie figury na pole komicheskogo v massmedia: smeshnye i ser'eznye]. *Political Linguistics*, 4, 77–81. (In Russ.)

7. Zhel'vis, V.I. (2001). *The battlefield. Profanity as a social problem in languages and cultures of the world* [Pole brani. Skvernoslovie kak social'naya problema v yazykah i kul'turakh mira]. Moscow, 352 p. (In Russ.)

8. Zhel'vis, V.I. (2005). Invektive as the “science of persuasion”: abuse in the arsenal of politicians and philosophers [Invektiva kak «nauka ubezhdat'»: bran' v arsenele politikov i filosofov]. In *“Zlaya laya maternaya...”* (pp. 288–304). Moscow. (In Russ.)

9. Zheltukhina, M.R. (2000). *The Comic in Political Discourse (based on the Material of the German and Russian Languages* [Komicheskoe v politicheskom diskurse (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov)] [Dis. ... Cand. filol. nauk]. Volgograd, 250 p. (In Russ.)

10. Skovorodnikov, A.P. (Ed.) (2017). *Linguistics of the Information and Psychological War [monograph] (Part 1)* [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny: monogr. Kn. 1]. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 340 p. (In Russ.)

11. Bashkova, I.V., Borovoj, E.M., & Gavrilov, L.A. (2021). *Linguistics of the Information and Psychological War [Monograph] (Part 4)* [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny]. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Univ., 340 p. (In Russ.)

12. Nikiforova, M.V. (2022). Metaphorical Images of the Russian Leader in the Context of Information and Psychological Warfare (On the Materials published in Foreign Affairs in 2021). *Political Linguistics*, 4(94), 70–80. (In Russ.)

13. Popova, T.G., & Zaripov, R.I. (2017). Metaphorical representation of Russia's image in western media [Osobennosti metaforicheskoy reprezentatsii obraza Rossii v zapadnykh SMI]. *Political Linguistics*, 5, 125–129. (In Russ.)

14. Rozhkova, A.V. (2013). Pragmatic functions of the comic in political discourse. *Vestnik of the Pushkin LSU*, 1(2), 162–169.

15. Ruzhentseva, N.B. (2004). *Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse: a monograph* [Diskreditiruyushchie takтики i priemy v rossijskom politicheskom diskurse]. Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg, 294 p. (In Russ.)

16. Shilikhina, K.M. (2011). Irony in political dialogue [Ironiya v politicheskom dialoge]. *Political Linguistics*, 4(38), 177–182. (In Russ.)

17. Shilikhina, K.M. (2013). *Verbal Irony: Anomalous or Non-trivial Language Use?* [Verbal'naya ironiya: anomal'noe ili netrivial'noe ispol'zovanie yazyka]. *Bulletin of VSU*, 2, 178–182.

18. Carlin, A.P. (2002). Methodological irony and media analysis: on textual presentations in the work of theorising. *Pretexts: Literary and Cultural Studies*, 11(1), pp. 41–55.

19. Gibbs, R.W. (2007). On the Psycholinguistics of Sarcasm. In Gibbs, R. W. & Colston, H. L. (Eds.). *Irony in Language and Thought: A Cognitive Science Reader* (pp. 173–200). New York.

20. Hutcheon, L. (1995). *Irony's Edge. The Theory and Politics of Irony*. New York, 258 p.

21. Ridanpää, J. (2012). The media and the irony of politically serious situations: consequences of the Muhammed cartoons in Finland. *Media, Culture & Society*, 34(2), Vol. 21(4), 131–145.

22. Ridanpää, J. (2014). Politics of literary humour and contested narrative identity (of a region with no identity). *Cultural Geographies*, 21(4), 711–726. DOI: <https://doi.org/10.1177/1474474014525054>